

С самого момента рождения я был обузой.

Родители, чьих имен и лиц я не знаю, бросили меня. Не в курсе, кем они были, но уверен: я им мешал. Ведь они оставили младенца, которому даже не дали имени, в «беби-боксе» при соборе и ушли. Говорят, кто-то хотя бы записку с именем кладет, но у меня не было и этого.

Завернутого в маленькое одеяльце, меня передали в приют при соборе, а после я сменил немало мест. Все из-за того, что я был омегой мужского пола.

Обычно вторичный пол — альфа или омега — совпадает с биологическим. Проще говоря, большинство альф — мужчины, а большинство омег — женщины. Для таких, как я, отдельных учреждений почти не существовало из-за редкости подобных случаев. Сменив несколько приютов, я в итоге оказался в том, где содержали только мальчиков-омег.

Там я насмотрелся на брошенных детей моего типа вдоволь. С тех пор как я покинул те стены, мне встретился лишь один такой человек, так что, похоже, свой лимит на общение с мужчинами-омегами я исчерпал там на всю жизнь вперед.

Позже, пока я рос, меня дважды усыновляли и дважды возвращали обратно.

В обоих случаях это были бесплодные пары, и в обоих случаях спустя год после моего появления в семье женщина беременела своим ребёнком. Удивительное совпадение. Приемные родители не то чтобы ненавидели меня, но им было неуютно. И это понятно — я не был им родным.

В первый раз процедура отказа прошла официально, а во второй я сам ушел из дома и вернулся в приют. Но я все равно называю это отказом, потому что меня никто не искал.

Увидев меня на пороге, монахини в растерянности начали обзванивать моих вторых опекунов, но те так и не приехали. Они просто прислали в приют мои вещи.

Я помню взгляд сестер в тот день. Так смотрят на что-то жалкое и несчастное.

Шанс на повторное усыновление после двух возвратов был ничтожным. Меня, грубо говоря, окончательно лишили возможности иметь семью. Так я снова стал сиротой из приюта «Каритас».

Всю свою жизнь я был для окружающих нежеланным гостем. И этот раз не стал исключением.

— Господин Чхве Асель.

— Да.

Я ответил и плотно сжал губы. Чувствовал, что смотрят на меня без тени дружелюбия.

Мужчина, тяжело вздохнув, потер переносицу. Похоже, у него разболелась голова.

— А противозачаточные?

На этот немой упрек — мол, почему не пил таблетки — я ответил довольно резко:

— Я мужчина-омега и ни разу не беременел. Врачи говорили, что вероятность крайне мала.

— И надо же было такому случиться именно сейчас?

После этих слов я снова замолчал. Сказать было нечего. Я и сам не понимал, какого черта ношу ребенка именно от этого человека.

Мужчина с раздосадованным видом достал из кармана сигарету, но, видимо, вспомнив о моей беременности, убрал ее обратно.

— Это точно мой ребенок?

Вопрос был ожидаемым. Будь я на его месте, тоже первым делом спросил бы об этом у омеги, внезапно заявившего о беременности.

— В период предполагаемого зачатия у меня был секс только с вами.

Не самые подходящие слова для светлого времени суток, но я упрямо чеканил ответ, стиснув зубы. При слове «секс» мужчина начал мерно постукивать пальцами по столу.

— Тест делали?

— Да.

— Спрошу в последний раз. Это действительно мой ребенок?

— Да. Точно.

Я вздернул подбородок, решительно обрывая его сомнения.

— Послушайте... Асель-сси, — после долгой паузы заговорил он с явной неохотой. — Я сделал вазэктомию.

К такому повороту я готов не был. Среди сотен сценариев, которые я прокручивал в голове перед встречей, этой фразы не существовало.

Столкнувшись с непредвиденным, я почувствовал, как задрожали руки. Спрятав их под стол, я уставился на него. Мужчина не злился. Он смотрел на меня скорее с сочувствием.

— Проверьтесь еще раз.

— Асель-сси.

— Я правда не лгу.

Я говорил уверенно, но внутри все похолодело от страха: а вдруг я действительно ошибся? Захотелось немедленно бежать в аптеку за новым тестом. Те два раза, что я проверялся, теперь казались ничтожно недостаточными.

Надо было сделать третий.

Губы пересохли, но я стоял на своем. Мужчина, потирая подбородок большим пальцем, выглядел озадаченным.

— Просто проверьтесь еще раз. После этого и поговорим, не поздно ведь.

— Асель-сси.

— Клянусь Богом! — голос сорвался на высокой ноте.

От отчаяния я призвал в свидетели Бога, в которого даже не верил. Свое имя я получил не за веру, а потому что меня бросили в церковном приюте. Но, видимо, «благочестивое» имя сработало.

*В корейском языке имя Асель соответствует библейскому имени Асир. В Ветхом Завете это имя восьмого сына Иакова. С иврита оно переводится как «счастливый», «благословенный» или «радостный».

Мужчина внимательно посмотрел на меня, потянулся под стол и взял меня за руку. Я попытался вырваться, но тщетно — в теле не было сил.

Он удерживал мою ладонь, легко похлопывая и поглаживая тыльную сторону. Только тогда я осознал, что не только руки, а все мое тело дрожит как осиновый лист.

Раздался его низкий голос:

— Сделаем анализы, а потом продолжим разговор.

Мы встретились в элитном баре, где я работал. Заведение называлось «Нант» — в честь французского города, и из динамиков там вечно лились шансон и старый джаз, названий которых я не знал.

Для заведения с кабинками это место было довольно приличным. По крайней мере, здесь не практиковали «продолжение банкета» с выездом.

Возможно, поэтому сюда заглядывали бизнесмены, предпочитающие чистые дела, чеболи, которым было тесно и шумно в клубах, или знаменитости, желающие отдохнуть подальше от простых смертных.

Впрочем, хостес здесь все равно были. Связанные с индустрией развлечений и криминалом, они представляли собой гремучую смесь из малоизвестных актеров и стажеров, ищущих работу.

Даже обычный персонал подбирали с приятной внешностью, поэтому предложения стать спонсором были обычным делом. Многие за этим сюда и шли.

Администрация грозила уволить любого сотрудника, согласившегося на «второй этап», но на деле многие имели спонсоров втайне. Фраза «узнаем — уволим» на деле означала «не попадайтесь».

Поэтому менеджер на лекциях для персонала часто повторял свою любимую мантру:

«Главное — не попадайтесь».

Золотое правило. Если тебя не поймали, то хоть налоги скрывай, хоть наркотиками торгуй — всё сойдет с рук.

Менеджеру до смерти надоела текучка кадров, поэтому на позиции официантов и кухонных рабочих он старался брать людей надежных.

Меня взяли не только за смазливое лицо, но и за приличный опыт работы в семейном ресторане. Мол, если там выдержал, то и здесь не сбежишь в поисках легких денег. Благодаря этому неоконченное среднее образование и статус омеги не стали помехой.

— Сегодня просто завал, — бросил повар, то ли жалуясь, то ли просто поддерживая беседу.

Его можно было понять. Народу сегодня было тьма. Забиты были не только залы по записи, но и основной холл, так что я крутился как белка в колесе.

Гул восторженных голосов, люди, обменивающиеся приветствиями у стойки, бармены, ловко разливающие коктейли, и капли влаги на пластиковых контейнерах с соком лайма и лимонной водой.

Официант как раз поставил на стол порцию путина. Запах жареной картошки и густого соуса бередил пустой желудок. Ароматы парфюма в толпе мешались с едва уловимыми феромонами, пропитанными легким возбуждением.

Для меня, только что поднявшегося из тихих залов внизу из-за нехватки рук, это было как столкновение света и тени.

В отличие от шумного бара наверху, чтобы попасть в нижние залы, нужно было пройти проверку личности на парковке, миновать тяжелую стальную дверь и сесть в отдельный лифт. Бар же, будучи лицом заведения, был открыт для всех и всегда полон суеты.

Наверное, многие посетители бара даже не подозревали о существовании закрытых комнат. Иронично, но такова жизнь. Я сглотнул слюну, бросил короткий взгляд на соленую картошку и вернулся к делам.

В такие дни разделение обязанностей исчезает. Ты и официант, и уборщик, и помощник повара одновременно.

Обычно на кухне блюда полностью готовят к подаче, но сейчас зашивались даже там. Хён Чжэмин, вынесший элитный алкоголь, быстро составил его на поднос и убежал по другим делам.

Единственные, кто не делал ничего, кроме своей основной работы, — это бармены.

«Может, тоже на курсы пойти?» — подумал я. Раз в голову лезет такая чушь, значит, я еще не окончательно вымотался.

Потерев озябшие от зимнего холода руки, я принялся за посуду. Не знаю, что лучше — разносить заказы или мыть тарелки, но я делал и то, и другое.

— Менеджер залов? — кто-то окликнул его, едва он заглянул на кухню.

— Что такое?

— Один из ваших гостей сильно перебрал...

Менеджер нахмурился. В заведении, ориентированном на VIP-клиентов, любой шум, портящий настроение другим гостям, считался грехом. При этом нужно было умудриться не обидеть и самого виновника торжества.

Уходя вслед за сотрудником, менеджер передал поднос мне.

— Асель, возвращайся вниз. Бросай посуду и сервируй тринадцатую комнату.

— Хорошо.

Я снял резиновые перчатки и фартук. Осторожно взяв поднос с элитным виски и закусками, я направился к лифтам.

Комнаты здесь носили вычурные названия вроде «Сапфир» или «Роза». Для удобства мы между собой называли их просто по номерам.

Тринадцатая комната называлась «Топаз». Это был зал на десять человек, где обычно собирались компании чеболей в третьем поколении и знаменитостей. Гости там вели себя вальяжно, но их настроение могло измениться в любой миг, поэтому скорость обслуживания была критически важна.

Я спустился на служебном лифте. Двери открылись в тихий коридор, напоминающий чрево кита.

Тихая музыка из потолочных динамиков — единственный звук в этом месте. Звукоизоляция была идеальной.

Подойдя к тринадцатой комнате, я увидел, что дверь плотно закрыта. После короткого стука я сделал вдох и плавно потянул ручку.

Вопреки ожиданиям, внутри царила глубокая тишина.

В комнате находился всего один человек. Остальные, видимо, уже ушли, оставив после себя хаос из пустых бутылок, тарелок с фруктами, сыром и молоком.

В приглушенном свете мужчина в темно-синем, почти черном костюме сидел, откинув голову на спинку дивана и прикрыв глаза.

Высокая переносица, четкая линия носа. Мягкие губы и волевой подбородок. Несмотря на мужественные черты, в его отрешенном лице и выступающих скулах читалась некая болезненная чувствительность.

На миг я даже принял его за актера.

Почувствовав мое присутствие, он медленно открыл глаза. Движение было плавным, как в немом кино. Под прямыми бровями виднелись глаза, причем веко было с двойной складкой только с одной стороны.

Может, я слишком долго на него пялился?

Он постучал по столу, привлекая внимание. Спohватившись, я отвел взгляд и только тогда заметил его едва уловимую улыбку.

— Накрывайте только передо мной, — сказал он.

— Слушаюсь.

Я молча открыл бутылку. На подносе как раз был только один бокал.

Мужчина наблюдал за моими действиями, задумчиво прикусив незажженную сигарету.

— У вас же не курят? — внезапно спросил он.

Я рефлекторно поднял глаза. Судя по тому, что он так и не воспользовался зажигалкой, он и сам знал ответ.

— Да. Курилка отдельно.

— Понятно.

В его голосе прозвучала горечь.

Разливая виски, я украдкой поглядывал на него. Он выглядел очень уставшим.

Вдруг он медленно моргнул и поднялся с места.

— Простите, мне пора. Счет запишите на имя Со Джинхёка.

Он достал бумажник и вложил мне в руку несколько чеков.

— Это чаевые.

Опешив от суммы в несколько сотен тысяч вон, внезапно оказавшейся у меня в руках, я лишь молча смотрел ему в спину.

Когда смена закончилась и забрезжил рассвет, появилось время перевести дух.

После уборки комнат я вышел на улицу выбросить мусор. На свежем воздухе мне вдруг вспомнился тот мужчина с сигаретой в тринадцатой комнате. И самому нестерпимо захотелось курить.

Я пошарил в кармане и достал помятую пачку. Из-за роста цен я экономил, поэтому сигарета была кривоватой. Кто-то говорил, что открытую пачку надо выкуривать быстро, но какая разница, если вред один и тот же? Вот я и растягивал удовольствие.

Пока я вдыхал дым вперемешку с утренним воздухом, к черному ходу начали подтягиваться такие же зависимые коллеги. Во время работы времени на перекур не было, так что финал смены был идеальным моментом.

Рядом пристроился Син Джонщик. Глубоко затянувшись, он процедил:

— Не хочу завтра на работу.

— Тебе же кредит за машину отдавать, — напомнил я, и он тяжело вздохнул.

Джонщик был типичным бездельником, не думающим о завтрашнем дне. Хоть он и завязал с сомнительным прошлым, устроившись официантом, старые привычки никуда не делись: едва почувствовав запах денег, он тут же взял авто в рассрочку.

— Эх, стать бы банкротом...

— Дело твое, — безучастно отозвался я.

— Ну и сухарь же ты, — беззлобно выругался он.

Глядя, как Джонщик переминается с ноги на ногу от холода, я снова вспомнил гостя из «Топаза».

— Мне сегодня чаевые дали.

— Чего? Наши богачи жадные, редко на чай отстегивают.

Джонщик начал умничать, будто каждый день обслуживает миллионеров из Майами.

— Просто открыл бутылку, а он дал пару сотен тысяч.

Стоило мне это произнести, как Джонщик понимающе закивал.

— А, это Со Джинхёк? Ну, считай, джекпот выбил.

Видимо, личность известная. Любопытство взяло верх, и я спросил почему.

— Почему? Да потому что Со Джинхёк вежливый и чаевые раздает направо и налево. Я сам хотел в ту комнату попасть. Ты тут недавно, поэтому не в курсе.

— Он хороший человек?

— Хороший? — Джонщик усмехнулся моему наивному вопросу. — Кто его знает. Мы знаем только, что он вежлив и щедр. Нам этого достаточно.

Тут Джонщика будто осенило.

— А, точно, ты же омега! — он продолжил болтать. — Со Джинхёк — альфа. Красив, богат. Омегы из кожи вон лезут, чтобы только на глаза ему попасть, и дело тут не в чаевых.

— Ясно... мне это не интересно, — ответил я довольно равнодушно. Ожидал услышать что-то действительно важное, а в итоге — обычные сплетни.

<http://bllate.org/book/17249/1613915>